

Роман Клейменов

Женское крыло

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Роман Клещёв

Женское крыло

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72474325

SelfPub; 2025

Аннотация

События происходят осенью 1999 года, во времена славы и непростые, когда мир жил иначе. Там, где деловые отношения пронизаны подковерными играми – свои ритуалы, а в жизни порой наступает такая же осень с долгими проливными дождями и грязью. Главный герой – юрист женской городской бани, его путь приводит к неожиданным поворотам. Оказавшись в тупике, в поисках выхода не оставляет попытки обрести смысл. Их пути пересекаются... Однако придется выдержать последние испытания... Все действующие лица и события вымышлены, всякие совпадения и сюжетные сходства с реальностью случайны...

Роман Клещёв

Женское крыло

Женское крыло

Участвующие:

Кирилл Калугин – юрист МУП

Петькина Татьяна Абрамовна – судья Пролетарского районного суда

Михайлов Олег Борисович – судья Самарского областного суда

Семён Яковлевич Еразов – завхоз МУП

Зубарева Тамара Ивановна – истец, пострадавшая

Танаев Геннадий Маратович – директор МУП

Люба – секретарша

Левинский Виктор Сергеевич – зам. директора МУП

Оксана – главный бухгалтер с красным дипломом

Денис и Олеся – молодые ребята

Сергеич – сосед, алкоголик

Михалыч – водитель «Газели»

Вороненко Илья – истец, предприниматель

Кузькин Максим Евгеньевич – адвокат десятой коллегии адвокатов

Ефимовская Вера Васильевна – очкастая из бухгалтерии

Варвара – старший экономист МУП

Виктория Вадимовна – зам. директора МУП по кадрам

Шутка Макар Давидович – адвокат шестой коллегии

Мила – секретарь судебного заседания

Рита – бухгалтер, тихоня

Шевченко П.Л. – подполковник РУБОП

Бородавченко – свидетель, рабочий

Анна Ильинична, тётя Зина – дворовые бабушки

Полковник Умнов,

а также дети, вахтёры, таксисты, рабочие, служащие, менты, братки, дед со спиннингом и другие...

– Вопрос снимаю. Представитель, не нужно задавать наводящих вопросов свидетелю. Ещё есть? – судья потрепала чуть вспотевшую чёлку, было видно, что ей надоело, устала, готовилась отложить слушание, к тому же, скоро обед.

– Да, Ваша честь, позвольте, я сформулирую иначе? Скажите, Галина Павловна, Вы видели, в какой именно обуви гражданка Зубарева отправилась в душевую?

– Я ничего такого не видела.

– То есть милиции, Вы утверждали, что она пошла туда в сланцах. Почему же сегодня Вы этого не помните?

– Да не помню я, что Вы меня мучаете...?

Грязный, оранжевый автобус гремящей баржей подплыл к остановке, растолкав огромную жирную лужу, пустил волну к ожидающим. При этом заднее колесо угодило в провалившуюся ливнёвку, ещё сильнее накренив качнувшийся туда-сюда транспорт. Возможно, так удобней взбираться

на борт? Вряд ли. Белые шлюзы, распахнулись, всхлипнув, и недовольные пассажиры посыпались в грязную воду, пачкающая обувь, поджигая сумки, вприпрыжку покидая место высадки под морозящими каплями, беспорядочно летящими с небес.

Сразу за остановкой «Стеклодувы» напрямик по узкой асфальтированной дорожке, вдоль зарослей сорняков и покрасневших яблонь можно за полминуты добраться до серых дверей МУП «Городская женская баня № 2». Заведение занимало первые два этажа трехэтажки. Выше обустроились обувные мастерские, ателье. Мужское крыло располагалось с другой стороны завода, и к нему ходили троллейбусы. Там имелся свой «дружный» коллектив.

Сентябрь был нетерпелив на дожди. Мокрый шифер на крышах не просыхал неделями. Город ещё больше помрачнел. Опавшие листья на асфальте кисли. Было неприятно и не уютно...

– Здоров, Кирилл, – в кабинет вошёл директор в вытертом пиджаке поверх вязаного тёщей свитера.

– Здоров.

– Опять нас затопило в буфете, у них там крыша течёт. Всё. Будем судиться, упёрлись, суки.

– С кем?

– С «Фрегатом», с кем. Над ними же дыры?

– Но ведь имущество общее, значит и ремонт. И в договоре аренды – за свой счет, кажется. Пропорционально.

– Нет уж, – директор настаивал, – Здание принадлежит городу. Им по барабану. Они высуживать не станут. А у нас вот-вот проводку замкнёт. Не дай Бог пожар. Представляешь, что будет? А если свет вырубится? Паника начнется! Голых баб мне тут не хватало в потёмках...

– Представляю, – усмехнулся Кирилл.

– А мне не смешно, Кирюша.

– Ладно.

– У тебя тоже морозяка... – он потрогал радиатор, – Когда включат то, суки?...

С окончанием дня затихают страсти, только уборщицы внизу орут друг на друга, минуя их, не пройдёшь, поэтому коллектив предприятия ежедневно покидает место работы под их переругивание. Калугин натянул шляпу, закурил у дверей и, подняв воротник плаща, зашагал к остановке.

– Кирилл Александрович?! – раздалось позади.

– О, привет...

– Что не звоните? Не заходите? У меня в кабинете хороший кофе...

– Да, всё как-то... Забегался, Оксана...

– Мм, ну Вы всё-таки заходите, я буду ждать.

– Посмотрим.

– Вечером идёте на юбилей Левинского?

– Иду.

– Тогда увидимся. Пока.

– Пока...

Во дворе – знакомая «копейка», музыка постукивает на задней полке, стекла тонированы. Около подъезда – два пассажира на скамейке, Олесю ждут. Денис поздоровался, второго Кирилл не знал.

– Здравствуйте...

– Привет, Денис.

– Что Вы хмурый? Устали? – всегда доброжелателен, жвачка. Вместо левой брови – давно затянувшийся бугристый шрам. Глазки покрасневшие. Красивый татарёнок.

– Да, сегодня чего-то... Хотя вроде не понедельник? – заметил сам себе Калугин.

– Может сигаретой хорошей угостить?

– Нет, спасибо. У меня есть. Олесю ждёте?

– Да, сказали за хлебом ушла. Ждём...

Дома Кирилл включил «Русское радио». В разгаре звучал какой-то хит-парад.

Зазвенел дисковый телефонный аппарат. Стоя с дымящейся в губах «Байкальской звездой», он приставил к уху зелёную трубку, удобно помещавшуюся в руке.

– Алё, Кирилл Александрович?

– Да.

– Еле дозвонилась... Вы сегодня идёте в «Лисью нору»? За Вами место в автобусе швартовать? – спрашивала громогласная Варвара – старший экономист МУПа.

– Иду.

– Та-ак... За-ни-мать. Обрато ведь поедете? – усмехну-

лась.

– Рассчитываю на это...

– До свидания...

В холодильнике ждала коричневая бутылка пива с золотисто-зелёной этикеткой, давно стоит. Охладилась до оледенения. Взял. Долго искал открывалку. Нашёл в туалете, на полке около рулона. Вернулся в кухню – щёлкнула пробка, отлетела и звякнула о батарею, закатилась под тот же холодильник.

Пиво неплохое. Но до того ледяное, что вкус его не понятен. Глотнул ещё, поставил на стол: «Отойдет пусть». На газовую конфорку водрузилась маленькая сковородка с остатками завтрака. Макароны потихоньку, нагреваясь, отлипали друг от друга. Вокруг сосиски вспенилось масло. Пиво моментально очистило голову от мыслей, застрявших в ней за день. Наступал вечер. «С ним всё понятно, «Лисья нора» ждёт посетителей – служащих МУПа. Что ночью? Вопрос... Долгожданный выходной наступит только послезавтра». Решил: «Напьюсь в кафе, вернусь домой и лягу спать. Никаких больше гостей. Хватит...»...

Утром около шести ноль-ноль он проснулся от аромата глазуньи, понял, что к ней добавлены его сосиски. Сначала думал, что это сон. Поднялся с кровати и заковылял по волнистому линолеуму в кухню. Оксана была красива у плиты. На плечах – спортивная кофта «Монтана», его, мужская, образца 93 года. В открытую форточку девушка покуривала

тонкую сигаретку с ментолом. По полу тянуло холодом. Она курила не часто. По крайней мере, так он думал. Увидев его, улыбнулась, глаза сверкнули:

– Доброе утро...

– Привет.

– Завтракать будете?

– Да, конечно. Кофе нашла?

– У Вас только растворимый?

– У меня здесь всё растворимое.

Оксана была рыжая, голубоглазая, верхняя часть лица – в веснушках. Длинный подбородок. Симпатичная. Весёлая. Заводная. Когда смеялась, вместе с зубами обнажалась и десна. Все это ей очень шло. Фигуристая и высокая девушка. Увидела его тогда, и «загорелась». И сейчас румянились скулы, выдавая чувства. Старалась соответствовать его настроению.

– Как Вы?

– Нормально... Много выпил вчера.

– Кирилл Александрович, там все много выпивали.

Из уважения она старалась чаще называть его по имени и отчеству.

– Во сколько мы уехали?

– Я попросила у Вас ключи и поймала такси, где-то в одиннадцать. А Вы, видимо, добирались на заказном? Не помните?

– Смутно. Кажется, я спал в дороге, у Еразова на плече.

– Вам просто нужно отдохнуть. Этот Танаев задолбал...
Не директор, а какой-то придурок.

– Я редко встречал руководителей с другими характеристиками. Ты как решилась у меня остаться? А родители?

– Мне уже двадцать пять. Пора самой решать.

– Если бы я мог вернуться в прошлое, сделал бы всё, чтобы как можно дольше ничего не решать.

– Почему?

– Ответственность.

– Разве это плохо? По-моему, ответственность – это по-мужски.

– По-мужски, по-мужски... Вот скажи, Оксана, как из обыкновенного кофе тебе удаётся делать такую вкуснятину? И давай со мной на «ты».

– Рецепт моей мамы. Я знаю, как Вы, то есть как ты, любишь... Впрочем – правильно заварить, добавить нужное количество молока, сахара. Важней всего угадать консистенцию. Так, наверное, во всём, да?

– Я думал, что знал, как люблю, оказывается, и близко нет.

– Как не хочется на работу..., – она потянулась у окна, –
Дождь самого утра... Что за осень такая?

– Возьму машину у Сергеича. Он всё равно в загуле.

– Сосед?

– Да, справа дверь обгоревшая.

– Видела. А что случилось?

– Долги.

– Ясно. Можем и на тридцать пятом доехать, времени хватит.

– Стошнит меня в автобусе, не к столу, извини Оксана.

– Всё нормально...

Бежевый грязный «Москвич Алеко», пугая прохожих прогоревшим глушителем, выскочил из подворотни и, рыча, помчался по проспекту, рассекая грязные волны, словно катер. Кирилл включил фары, потрепанные дворники лишь размазывали дождь по стеклу. Ткнул в зелёную кнопку приёмника, из хриплых динамиков, позади, струня гитару, запел какой-то бард. Жёлтые кленовые листья облепили разогретый капот. На перекрёстке, стоя на светофоре оба закурили, приспустив окна. Мелкие капли прозрачными чёрточками влетали в потрёпанный салон. Оксана сидела рядом в серебристом плаще, выкинула окуроч, хмурясь. Поглядев на него, поинтересовалась яркими губами:

– Как себя чувствуешь?

– Нормально.

– Приходи к нам?

– Не могу, сегодня кассация. Поэтому машину взял, чтобы успеть. Областной суд на другом конце города...

Завернули на территорию МУПа и припарковались под ржавыми зигзагами пожарной лестницы.

– Хорошего тебе дня...

Она прижалась горячей щекой к его трехдневной щетине. Сильней пахнуло сладкими духами, от которых его мутило

всю дорогу.

– И тебе...

Зайдя в свой выстуженный кабинет, он, первым делом грохнув, запер окно, случайно оставленное открытым на ночь. Дождь с ветром, конечно же, пробрался внутрь и вымочил все бумаги, валявшиеся кучей на подоконнике. Кирилл без сожаления смял их, превратив в слипшийся мячик, подбросил и ударил ногой. Шлепок пришёлся точно в центр двери, оставив на ней сырой бесформенный отпечаток. Тут же она распахнулась, и заглянул завхоз Еразов:

– Здорова. Пенальти?

– Гол.

– Ты на планерке не был? Хвораешь?

– А ты нет?

– Я поправился. Пошли ко мне на склад? – улыбался довольный Семён Яковлевич, бывший мент, а ныне мастер на все руки.

– Нет, не могу, готовиться надо, – Кирилл уместился за покорябанный выдавший виды стол, заваленный бумагами и картонными папками.

– Как знаешь... Потом заходи.

– Угу. В одиннадцать суд, надо ещё доехать...

Но гадство всё-таки случилось – машина не завелась, севший аккумулятор едва пульсировал красной лампочкой на пыльном щитке. Кирилл выскочил и остановил проезжавшую мимо голубую «Газель» с тентом.

Михалыч торопил:

– Давай верёвку, мне опаздывать нельзя! Прачечная позже девяти не примет. Схлопочу...

– Думаешь, я знаю, что здесь есть в этом бардаке? – рылся в багажнике, ворча, Кирилл, – Вот, кажется какая-то. Пойдёт?

Он достал разлохмаченную длинную скрученную веревку непонятого цвета.

– Пойдёт, разматывай.

Михалыч, кряхтя, равнодушно прохаживался около капота «Москвича»:

– Вода, поди, в генераторе? Покатался по лужам. Просохнет...

– Вот, кажется всё, размотал.

– А чо ты мне её суешь? Лезь под свою развалюху и вяжи, сначала назад оттащим, потом вперед дёрнем...

Спустя час езды по пробкам и колдобинам, раскуроченным объездным вдоль коммунальных раскопок, Кирилл с испачканными грязью брюками и манжетами, бросив машину на парковке Универсама «Юго-Западный» бежал в сторону областного суда, опаздывая на заседание...

Адвокат как назло был сегодня в ударе:

– Ваша честь, у меня ещё один вопрос к представителю бани Калугину.

– Задавайте.

– Конечно, пользуясь случаем, хочется спросить, как там

парок? Извините, Ваша честь. Но. Кирилл Александрович, Вы же не будете отрицать, что упавшее дерево, причинившее столь значительный ущерб автомобилю «Вольво», принадлежащему истцу Вороненко, находилось в непосредственной близости к территории вашего предприятия?

– Я лишь могу утверждать, что дерево это никакого отношения к МУПу не имеет, мы его не сажали, и за ним не ухаживали. Стояло оно на границе участков, а не на нашей земле. Момент падения никем и ничем не зафиксирован. Истец мог сам въехать в него, к примеру, находясь в состоянии опьянения. Никакой экспертизы ведь не проводилось?

– Но у нас есть свидетели!

– Какие свидетели?

– Адвокат Кузькин, задайте вопрос, а не высказывайте доводы. И на счет «парка» я Вам делаю замечание, – прервал перепалку судья Михайлов.

– Да, Ваша честь, ещё раз прошу прощения... Что же, ответчик, показания очевидца Бородавченко, надеюсь, Вас устроят? Он конкретно пояснял о падении дерева непосредственно на автомобиль во время сильного ветра.

– Ну, во-первых, этот Ваш Бородавченко давал лишь объяснение сотрудникам милиции. А в суде первой инстанции его вообще не допрашивали, так как не могли найти. Если так? Ведите его в суд, и пусть даёт пояснения, будучи предупрежденным за дачу заведомо ложных показаний.

– Адвокат, есть еще вопросы?

– Пока не имею.

– Судом решается вопрос об отложении дела слушанием.

Адвокат, Вам известно местонахождение свидетеля Бородавченко? Может быть место работы, номер телефона?

– Чего его искать, Ваша честь? Он на стекольном заводе ошивается...

Наевшись вдоволь горячих пельменей в столовке неподалеку, Кирилл возвратился в холодный кабинет. Не снимая промокшего плаща и шляпы, принялся звонить:

– Алё, добрый день, это стекольный завод?

В дверь постучали, вошла очкастая Вера Васильевна из бухгалтерии и бесцеремонно:

– Кирилл, здравствуйте, нам опять завернули договор на слив.

– Протокол разногласий прислали? Извините, я разговариваю... Алё, да! Простите это какой цех?!

– Прислали какую-то справку.

– Что за справку? Дайте... Цех по резке?! Подскажите, пожалуйста? Нет..., это я не с Вами. Да...

– Я ничего из неё не поняла, это вообще не наши объемы.

– Не наши... Запросите протокол. Да, нет, это я не Вам! Как найти работника вашего предприятия Бородавченко? Да. По какому номеру звонить?

– А как запросить?

– Позвоните Антону Челябину. Он этим занимается. Да, записываю, ...04-31, цех упаковки? Понятно.

– А как ему позвонить?

– В договоре есть номер фирмы, найдёте. Это я не Вам! Спасибо большое! До свидания...

– Ладно, пойду, позвоню, – хлопнула дверью.

«Вот неужели нельзя было зайти позже с этим вопросом?». Не выпуская трубки, набрал на кнопках номер, ответил сдавленный женский голос:

– Пковочный...

– Алё. Здравствуйте.

– Расть.

– У Вас Бородавченко работает?

– Кто?

– Бородавченко, рабочий...

– Работает. А вам зачем?

– Это из ЖЭУ, у него протечка. Можно его к телефону?

– Он на больничном.

– Хорошо, давайте адрес.

– Если из ЖЭУ, должны знать адрес? Что Вы меня за дуру держите?

– В том то и дело, что адреса не знаем. Нам позвонили жильцы снизу и назвали фамилию. Номер квартиры не сказали, номер дома дежурный не запомнил, только фамилию – Бородавченко, и место работы...

Дверь распахнулась, игриво вбежали чулки Виктории Вадимовны, зам. по кадрам:

– Кирилл Александрович...! Добрый день...!

– Ладно, сейчас... – женщина из упаковочного положила трубку на стол, было слышно, как листала тетрадь со словами: «Бл..дь, никакого покоя...», – затем снова вышла на связь, – Записывайте...

Он, сидя, кивнул чулкам Виктории Вадимовны:

– Пишу... 17... 44. Спасибо Вам огромное!

– Что, Кирилл Александрович? Рабочие будни? Как же у вас холодно... – поёжилась женщина – немолодая крашенная блондинка, симпатичная, в белой блузе и алой юбке.

– Да, самое время посетить парилку... – болтанул неосторожно, озадаченный Калугин.

– Ну, так, давай, посетим...

– Вика.

– Что? Сколько ты ещё будешь не замечать моё существование?

– Много работы, ты же видишь...

– А в «Лисьей норе»? Нельзя было обратить на меня внимание? Я платье дорогое надела. Украшения, готовилась. Мужу сказала, что у подруги ночую. А ты? И что эта Оксана возле тебя всё время крутится?

– Вика, ничего она не крутится. Я напился, и уехал домой...

– У тебя с ней, что-то есть?

Он замолчал. Выдохнув, потянулся к пачке сигарет, нащупал в кармане промокшие спички.

– Понятно... – каблук застучали по дырявому линоле-

уму, она хлопнула дверью так, что из-под штукатурки показалась проводка радиоточки, протянутая ещё в семьдесят первом году...

Раздражающе замурлыкал телефон. Голос шефа. Похоже, злой:

– Кирилл, зайди...

Ещё на подступах к директорским дверям чуялось неладное. Слишком уж накурено, сквозь дерматин тянет...

– У себя? Кто там, Люба?

– Да, на месте. Братки какие-то.

– Хгм...

Вороненко Илья, владелец «Вольво», коммерсант, весной поставил новую машину около женского крыла и пошёл к одной из любовниц в многоэтажку неподалёку. Огромное дерево с помощью сильного ветра упало на капот и стекло, раздавив шведскую тачку напрочь. Илья подал в суд на МУП, проиграл в первой инстанции и обжаловал решение. А теперь, потеряв терпение, приехал к директору с быками и наездами...

– Слушай, директор, чо ты мне лепишь...?!

– Здравствуйте... – вошёл хмурый Кирилл и уселся на стул у стены, глядя без особого интереса на присутствующих.

В гостях у Геннадия Маратовича – трое, включая истца. Двое с выбритыми головами в кожаных куртках вели себя по-свински.

– Вот этот, юрист, в суде качает... – пролепетал любовник-предприниматель.

– Слышь? Ты тоже бессмертный?! – гаркнул на Калугина сидящий справа за столом.

– Это Вы мне? – Кирилл повернулся к нему.

– Тебе!

– Господа, Вы ругаться пришли? Это не солидно. Дело уже в суде, иск подан Вами. К чему эти разборки? – поинтересовался Калугин.

– К тому, что ты уперся!

– А Вы не думали, Илья, что эти угрозы я пишу на диктофон, спрятанный во внутреннем кармане? Судье будет любопытно послушать...

– Да ты ох..ел?! – вскочил с диванчика второй. Выключай! Или я тебя самого выключу, падла!

– Короче, два дня тебе даём, директор, решай по-хорошему... – угрожал сидящий.

– Никаких бабок не будет без суда! Докажет, что по нашей вине?! – директор нервно кивнул на Вороненко, – Присудят?! Восстановим его корыто!

– Ты чо-то много базаришь?! – двинулся к нему угрожающе вставший.

– Эй-эй, поспокойней, – Кирилл поднялся и встал у него на пути.

– Ты сиди! – он с силой толкнул Кирилла в грудь.

– Хулиганство... Люба! Вызывай наряд! – крикнул Тана-

ев.

– Какой ещё наряд? При чем тут мусора?! – завозникал Илья.

Кирилл попытался толкнуть противника в ответ, тот уклонился, схватил его за рукав, сцепились, споткнулись, упали вместе, бумаги посыпались со стола. Танаев вскочил с кресла:

– Люба! Твою мать!

Как будто Люба – единственная, кто могла разрулить ситуацию.

Та приоткрыла дверь, увидела потасовку:

– Вызвала! Едут!

Завхоз Еразов выглянул из-за оголённого плеча девушки, «случайно» коснувшись задницы секретарши, вбежал в кабинет, где уже шли «бои без правил»: Кирилл и здоровяк копошились на ковре, Танаев принял стойку и молотил кулаками воздух, не подпуская другого, и параллельно ругался с Вороненко, пытаясь его пнуть. Первый, дотянувшись до лацкана директора потащил его к себе. Еразов, не растерявшись, схватил стул и замахнулся:

– А ну пусти, сука! Убью тварь...!

– Аа...!

– Иди сюда, гад! Я тебе щас морду разобью! ...

Милиция приехала через полчаса. Выяснилось, что по пути у них закончился бензин прямо на кольце. Моложавый пару дней небритый сержант бродил по коридору и приста-

вал ко всем с бланками объяснений...

– Я на них заявление напишу...! И на этого, козла на «Вольво»... – нервничал директор, – На зону пойдет, гондон, за вымогательство...

– К сожалению, Геннадий Маратович, не всё так просто. Это ещё надо доказать...

– Поверните голову... Во-от, та-ак..., – ласково просила молодая помпущка Люба, сидя вплотную с Кириллом на диванчике в кабинете директора. Бинтом и перекисью, она осторожно обрабатывала ему ссадину на виске.

Послышался стремительно приближающийся топот каблучков.

– Что случилось?! – с шумом ворвалась Виктория Вадимовна, – Кирилл, ты жив?! Дай-ка мне..., – она выхватила у Любы бинт, – Иди, иди, я посмотрю...

Девушка, встала, как ни в чем не бывало, направилась к выходу, обернулась на угрюмого начальника, тот, ломая спички, пытался прикурить.

– Любаша, спасибо огромное, – поблагодарил Кирилл.

– Не за что, – улыбнулась девушка.

– Не Любаша, а Любовь Николаевна её зовут... – поправила Калугина зам. по кадрам, внимательно пялясь на рану. Едва поднесла бинтик, Кирилл включился, и остановил её.

– Спасибо... Виктория Вадимовна, я в норме.

– Хм... Да, пожалуйста, – вскочила, – Где тут у Вас, трэш? – подошла, повертела задом в мини-юбке около плеча

директора, в поисках урны, и по-женски запустила в неё примочку, – Что ж, поправляйтесь, Кирилл Александрович, – обидевшись вышла, каблуки энергично удалялись...

– Чо так с ней? Хорошая баба, – усмехнулся Танаев.

– И муж у неё хороший.

– Знаю, подполковник в РУБОПе.

– Вот этого мне только не хватало.

– Хм. Чо тебе? Пользовался бы. Деньги у неё есть, одевается в магазинах, новый «Фокус» вон, у входа. Тому менту говорят не неё по хрен. Дома по трое суток не живёт – на работе, то на Кавказ командировки...

– Откуда деньги?

– Не знаю... – он встал, в раздумьях, дымя сигаретой зашагал к окну, – На мое место пробовала метить, сучка. Это мне известно. Переговоры они вели в муниципалитете. Ладно, в то время меня Валерьич прикрывал, пока его не посадили... Щас не знаю, если б за меня взялись...

– С этой «Вольво» мы ещё хапнем.

– Да, пошли они на х..й, – он выкинул окурочек в приоткрытую форточку.

– Я поеду свидетеля обрабатывать. Дашь на водку?

– Не могу пока. Давай в зарплату, потом накину...

Выцветшая табличка дома номер 17 по улице Дружбы Народов мелькнула справа в мокром окне «Москвича». Кирилл припарковался во дворе под деревьями и ступил на сырой асфальт, оглядел умытую дождями панельную девятиэтажку,

и поправил шляпу. Поднял воротник, избавляясь от сквозняка, прикурил и направился к подъезду. На втором этаже тихо подошел к тёмно-красной стальной двери. У кого-то из соседей гремел новостями телевизор. Снял шляпу, поправил волосы, прислушался, приблизив ухо. Позвонил. В линзе мелькнул светлый кружок. Послышалось глухое:

– То?

– Здравствуйте, меня зовут Кирилл Калугин, я работаю юристом в МУП Городская баня... номер два. Мы можем поговорить?

Молчание. А потом:

– О чём?

«Слава Богу», – подумал Кирилл, – «похоже, адекват».

– Э-м. Про инцидент с машиной... Говорят, Вы видели, как... дерево упало?

– Я?

– Да, Вы ведь Бородавченко?

– Да-а.

– Откройте, пожалуйста, я не отниму много времени...

Скрывавшийся за дверью собеседник задумался, потоптался, покряхтел. Ушел куда-то. Вернулся.

Дверь щёлкнула и приоткрылась сантиметров на десять, вместо обычной дверной цепочки натянулась стальная цепь, какими держат огромных псов. Показались: пивной живот в футболке с «М-tv», джинсы, тапки и багровое щекастое лицо в крапинку с ленивой почти неподвижной мимикой. На

площадку густо пахнуло несвежим перегаром.

Поглядели друг на друга.

– Ты мент штоль?

– Нет, я же сказал, я из бани, юрист.

– Из какой бани? – недоумённо спросил хозяин, усмехнувшись. Он то и дело скал ногой, пытаясь лучше надеть развалившийся тапок.

– Короче, – Кирилл распахнул плащ и продемонстрировал прозрачное горлышко бутылки, идеально втиснувшейся во внутренний карман, будто специально для неё пошитый, в другом кармане с правой стороны поместилось то же самое, – Я войду?

Бородавченко засопел, мотнул головой, выдохнул и потянулся к цепи, бормоча:

– Эх, епона мать, была не была... Думал завязать...

Вечер обещал быть пресным. Сегодня решил не пить. Хотелось бы и завтра, но тут уж как получится. В ванной перед треснувшим по диагонали зеркалом долго брился, окуная лезвие в тёплую мыльную воду. Глядел на свежую ссадину и думал про завтрашнее судебное. Плыло время, телефон дважды звонил, это была Оксана. Не ответил. Определителя нет, но это была она, знал...

– Прошу всех встать!

– Прошу садиться...

Заседание сегодня никак не могло набрать обороты. В бюрократическом механизме всё время что-то застревало, по-

том проскальзывало, и дальше буксовало. Сначала секретарю – белолицей девушке Миле сделалось плохо, она буквально рухнула со стула и ударилась всеми частями хилого тела об пол. Объявили перерыв, вызвали скорую. Оказалось, что у неё какая-то редкая болезнь. Не беда – прислали другого секретаря и продолжили.

Затем ждали истицу Зубареву. Долго. Сперва она позвонила из дома и сообщила, что едет. Вновь объявили перерыв. Потом позвонила и прояснила: скачет давление, просила провести заседание с её адвокатом...

Когда все разогрелись. Кирилл пошёл в атаку:

– Ваш доверитель указала, что в результате падения на скользкую плитку пола в моечном отделении получила телесные повреждения. В бане на полу действительно лежит специальная нескользящая плитка, к тому же работники бани её периодически протирают. Помимо предупреждающих знаков «Осторожно, мокрый пол», имеется и другой знак – «Посещение моечной – строго в не скользящей обуви!».

– Да не было там такого знака! – воскликнул адвокат.

– Как не было?! Он и сейчас там есть, хотите посмотреть?

– Не пререкайтесь! – крикнула судья обоим, – Представитель, продолжайте...

– Во время посещения бани никаких просьб к работникам протереть пол от истицы не поступало. У нее могла закружиться голова, всё-таки возраст, что и привело к падению. Повторюсь, в моечном отделении пол регулярно протирает-

ся, в помещениях установлены предупреждающие таблички. Документов, подтверждающих затраты на медикаменты, нет. Полагаю, что ответственность за причинение вреда здоровью ответчик нести не должен...

Адвокат Шутка тоже старался отрабатывать гонорар:

– Причиной получения травмы явилось ненадлежащее исполнение ответчиком – МУП обязанности по содержанию своего имущества, а именно помещения банного отделения, где Зубарева и упала. Ответчиком не представлено доказательств того, что травма получена не по его вине. В банном отделении используется напольное покрытие, выполненное из старой, простите допотопной глянцевой плитки, не имеющей вообще какой-либо рифлёности, что является грубейшим нарушением всех мыслимых строительных норм. И не доказано, что к падению привело состояние здоровья...

– В чём выразился причиненный ей моральный вред? – пыталась выяснить судья.

– Ваша честь, это же очевидно – психическая подавленность, эмоциональные переживания, в результате падения у нее стало ухудшаться состояние здоровья, появились: головная боль, слабость, боли в спине, я уже не говорю про сломанную руку. Кроме того, повышается артериальное давление, необходимо дорогое лечение, а она вынуждена доказывать свою правоту, требовать у ответчика выполнения им его обязанностей, предусмотренных законом...

Заседание отложили. Судья по всему, судье Петькиной не

хватало доказательств для вынесения решения.

Кирилл с адвокатом, слегка утомлённые, вывалились на залитое солнцем крыльцо. Потянулись в карманы за сигаретами, отошли к притихшим кустам. Про себя оппонент Калугина иногда повторял: «Если Шутка в деле – это серьёзно...».

– Этот сраный Пролетарский...

– Чо он тебе? – Калугин прикурил от огонька поднесенной ему бензиновой зажигалки.

– Здесь все дела разваливаются, даже самые бесприкрышные. Эта Петькина нам откажет...

– Почему так решил?

– Предчувствую...

В это время моложавый судебный пристав нудно пререкался с двумя полупьяными посетителями, которым край как необходимо было попасть на слушание уголовного дела, где обвиняемым проходил их приятель.

Шутка с отвращением взглянул на них и продолжил:

– Эта Танька Петькина, вредная. У неё мужик работал у нас. Потом забухал – выгнали. Они и развелись. Она с тех пор всех валит. Адвокатов не любит...

– Хм.

– Ты ей, кстати, Кирилл понравился. Я видел, как она на тебя смотрела, когда ты выступал.

– Да не выдумывай, Давидыч.

– Ха-х. Я её знаю. Мне то поверь... Кстати, что у Вас там

по «Фрегату»? Какие-то претензии пошли я слышал?

– Тебе зачем?

– Так... Приходили вчера, жаловались, – засмеялся, – Деньги предлагают...

– Пускай лучше крышу перекроют.

– Да... Грёбанный Пролетарский. А про Таньку Петькину подумай. Баба свободная. В наши то дни, да с судьёй, голодным не останешься, и не пропадёшь, – снова усмехнулся.

– Ладно тебе.

– Ты вроде не женатый?

– С утра Бог миловал...

– Кирилл Александрович! – секретарь Мила видимо очухалась и, повиснув на противно скрипучей двери, с крыльца махнула серой бумажкой, – Зайдите, распишитесь за повестку!

– Ну? Что я говорил? – подытожил Шутка, докуривая, – Зовёт тебя Танька. Хочет...

– Да иди ты...

– Ладно, давай.

– Давай.

Пожали руки и разбежались. Адвокат, сутулясь, побрёл с кожаным портфелем к серебристой «девяносто девятой», стоявшей около разлапистых елей. Пиликнула сигнализация...

– Идёмте, скорей... – торопила девушка.

Поднялись на второй этаж, в приёмную, она подала ему

огрызленную кем-то ручку и сунула бланк. Ткнула сухощавым пальчиком туда, где нужно оставить закорючку.

Кирилл положил расписку на стол, черкнул размашисто.

– Ещё Татьяна Абрамовна просила Вас зайти... – Мила поглядела на него кокетливо.

«Вот гадство...», – подумал Кирилл, – «Как в воду глядел... Шутка, старый кот».

Кирилл включил дурака зачем-то.

– К ней?

– Да-а к не-ей.

– Она у себя?

– Ага...

Мила уткнулась в старый пожелтевший монитор компьютера и принялась монотонно стучать по клавишам.

Кирилл покрутился, оставил плащ и шляпу на стуле с вытертым почти до фанеры сиденьем. Глянул в зеркало, подошёл к высокой обитой дерматином двери с пластиковой табличкой, в которую под оргстекло вогнали полоску с трафаретными синими буквами: Судья Петькина Т.А. Выдохнув, потянул ручку, дверь пискнула.

– Можно?

– Войдите, – спокойно ответила Татьяна Абрамовна.

Он шагнул вперёд. В большом кабинете пахло новым линолеумом, светло-голубым, дешёвым и некрасивым. Она сидела в офисном кресле за широким столом, сосредоточенно листая дело. Чуть смуглая, невысокая. Внимательное ли-

цо. Ровный нос и губы. Тёмные волнистые волосы были аккуратно заплетены, на заколку, над круглыми бровями – прямая чёлка. В синей, застёгнутой на все пуговицы блузе. Брошь придавала наряду старомодность. Чёрная мантия висела неподалёку на спинке стула. На стене, на бледных обоях возвышался герб. Жёлтые шторы колыхались, форточки в окнах – приоткрыты. С улицы было очень слышно машины, скрипели тормоза, внизу располагался перекрёсток.

– Вызывали?

– Присаживайтесь, – предложила, не отвлекаясь от чтения.

Кирилл тихо прошел и уселся на скрипнувший стул около шкафа с разношёрстной юридической литературой. Она, наконец, подняла на него утомлённые карие глаза, слегка улыбнулась.

– Садитесь ближе, – Татьяна Абрамовна кивнула на кресло, задвинутое к приставному столу.

– Благодарю, мне и здесь хорошо, – не решился Кирилл.

– Я не кусаюсь.

На всякий случай он приподнял уголки губ. Кашлянул в кулак. Поглядел на неё, мол: «ладно, давай начинай, слушаю...».

Поёрзав чуток на «троне», она аккуратно сняла стильные очки в черной пластиковой оправе, положила их на полировку и откинулась на спинку, повернула голову, посмотрела в окно. Луч солнца коснулся волос, выдав крашенный тём-

но-фиолетовый оттенок.

«В профиль она тоже ничего. Приодеть бы нормально...» – подумал Кирилл.

– Я вот что Вас пригласила, Кирилл Александрович. Вы человек, насколько мне известно, порядочный. Болтать не любите, что и кому попало. Не у многих, к сожалению, в наше время такая репутация. Поэтому. Могу я с Вами, так сказать, почти откровенно?

– Вполне.

– Хорошо, – она даже как-то расслабилась, снова улыбнулась, слегка наклонила голову вбок, медленно крутясь в кресле, глядя на него, монотонно продолжила, – У Вас по доказательствам слабовато. Пока перевес на стороне истца. Понимаю, что будут наверняка ещё свидетели, но те, что допрошены – все лица заинтересованные, Вы же понимаете? Такой, неутешительный расклад.

– Ну да, в основном это наши сотрудники. Но не только... – попытался осторожно вставить Кирилл.

– Отмена в кассации мне ни к чему. Надо процент качества повышать... Поэтому я решение хочу принять обоснованное. Понимаете?

– Понимаю.

– Посодействуете?

– Да, конечно, а в чём именно?

– Я вот знаете, не представляю, точнее никак не могу понять, как там у вас всё это выглядит, как устроено?

«Так, так, кажется, началось...»

– Где?

– В моечной этой вашей... Где, какая плитка? Где она упала? Где эти таблички, если они вообще были?

– Были, и сейчас есть...

Она будто и не слышала его, не давая времени опомниться, подвинулась к делу, снова начала быстро листать:

– Ни осмотра места происшествия, ничего... Оно пустое...

– Понятно.

– Что понятно? Придётся экспертизу проводить. Возможно...

– Какую?

– Независимую, платную. Но, прежде хотелось бы убедиться, что там за напольное покрытие и есть ли реально таблички? Тогда будет проще решать дальнейший ход дела.

«Вот оно...», – думал Калугин, – «Чёртов Давидыч...».

Она глядела на него как кобра на кролика. В пространстве подвисали вопросы один за другим.

– Кхм. А, простите, что Вы имеете в виду, Татьяна Абрамовна? – Кирилл понемногу очухался.

– Это ваше заведение во сколько открывается?

– Эм, пятница... Сейчас закрыты... В четыре...

– Вы на машине?

«Только не это...».

– Ну да, – Кириллу стало совсем не по себе. От мысли, что

придётся везти эту женщину, судью на раздолбанном «Москвиче» Сергеича, сохло в горле.

Но Петькину, как ледокол «Ленин», остановить было невозможно.

– Какой номер, марка, где припарковались?

«Шансов избежать – никаких!».

– ...Эм, – он не помнил номер, с цифрами всегда было туго, только последние буквы всплыли в сознании. Знак у Сергеича был советский и оканчивался на «ЮК», – Простите, машину взял у знакомого... Номер не помню, последние буквы «Ю», Юля, и «К», Константин. Бежевый сорок первый... э-э, в смысле «Москвич, 2141»... Здесь..., на парковке, – он, вспомнив третью часть вопроса, махнул рукой в сторону двери, хотя понятия не имел, правильное ли указывает направление.

Она шевельнула уголками губ, записывая старательно и невозмутимо добытую информацию в блокнот. И, не поднимая головы, вынесла вердикт:

– Что ж, я к Вам сейчас выйду... Надеюсь, время есть? Позволяет?

«О чем она? Я ведь на работе...», – он машинально глянул на левое запястье, но часов там не оказалось, мельком тут же вспомнил, что потерял их летом на даче у Левинского, когда пьяный под утро ушёл спать на берег. И тут до него дошло, что ехать то как раз и предстоит на работу, в «баню» ...

– Да, конечно, свободен... Ну, я Вас жду? Внизу?

– Внизу. Не здесь же... – Вдруг Татьяна Абрамовна резко отвернулась к компьютеру, схватив со стола дело Зубаревой, и, прикрывшись им, смачно чихнула....

– Будьте здоровы.

– Спасибо. Простите...

Когда Кирилл, в прилипшей к спине сорочке, побряхтывая, вышагнул к Миле, та не отвлекаясь от экрана, быстро спросила с ноткой ехидства:

– Всё решили?

– Да-х. До свидания... – он схватил плащ, шляпу и поспешил.

– Всего хорошего...

Денёк был сегодня ясный, долгожданный, по-сентябрьски тёплый. Погожий и лучистый. Изрезанные тени деревьев накрыли лужи, засыпанные листьями, на сухом асфальте. Было около обеда. Не успел Калугин выкурить сигарету, крутясь в волнении около машины, как увидел парящую в его сторону Татьяну Абрамовну. Она шла гордо, уверенно, красивой женской походкой, застёгивая на ходу молнию чёрной сумочки. На ногах – туфли, сама в сиреновом полупальто, и модном белом палантине, свободно обвивающим шею.

«А, хороша», – поймал себя на мысли Кирилл, и бросил окурок в лужицу.

Она, приближаясь к капоту, кивнула на его авто, настороженно улыбнувшись, мол: «Это и есть твоё говно?».

– Да, прошу Вас, – Кирилл не стал бежать к ней и откры-

вать пассажирскую дверь, посчитав это ненужным низкопоклонством. К тому же, в глазах её коллег и посетителей, возможно наблюдавших, это могло выглядеть двояко...

«Все современные люди итак умеют открывать двери легковых автомобилей».

Когда он уселся за руль, вместо уже привычной затхлости вытертого до дыр салона, пространство наполнил вишнёвый аромат явно не дешевого парфюма. Её духи были необыкновенными. Он вставил ключ в замок зажигания, не снимая шляпы и стараясь не глядеть на неё, потянулся к ремню безопасности. Чувствовал, как она наблюдала за каждым его движением. В этот момент мимоходом, шурша покрывалом, медленно прокатилась «девяносто девятая». Проезжая, скрытый за тонировкой водитель дважды коротко посигнализировал.

«Чёртов Шутка. Дождался ведь, гад, высмотрел...» – подумав, чуть покраснел Кирилл.

– Это кто? – спокойно спросила судья, глядя вслед мигающим стоп-сигналам.

– Адвокат. Шутка.

– А что он сигнализирует? – сейчас она говорила как-то по-иному, проще, казалось. Тон стал помягче. «Возможно», – подумал, – «это связано с нахождением в тесном закрытом пространстве».

– Увидел нас. То есть Вас. Простите.

– Увидел и увидел... – держа сумочку на коленях, одетых

в тёмные колготки, она, посмотрела зачем-то в боковое зеркало заднего вида.

– Может использовать... Напишет в коллегию, к примеру. Компромата не боитесь? – попытался предупредить Калугин.

– Пошёл он на х..й – это было столь естественно и неожиданно, что Кирилл, не решился выбрать ни единого варианта ответа или реакции, будто всё так и должно быть, и, взявшись за ключ, повернул его в замке. Стартер издал что-то вроде предсмертного «Ху-х». И всё. Это было фиаско. Севший аккумулятор передал очередной привет от Сергеича.

– Что, не заводится колымага? – спросила Татьяна Абрамовна.

– Да, не хочет...

– А что, у тебя нет своей тачки? – будто бы удивилась судья.

Кирилл глянул на неё:

– У меня и прав то нет, – серьёзно ответил.

Она нахмурила брови.

– Я пошутил. Извините.

Прыснув, Петькина рассмеялась, около глаз показались блестящие слезинки:

– О-ой, спасибо Вам...

– За что? – улыбался Кирилл.

– За позитив... Давно так не смеялась... – она полезла в сумочку, достала зеркальце, салфетку и принялась за работу,

приводя тушь в порядок.

Кирилл уставился в боковое окно, не зная, что делать. Выдохнул. Потянулся, нащупав, дёрнул рычажок капота, взялся за ручку двери, намереваясь по-джентльменски выйти, глянуть, и в общем проделать весь этот дурацкий мужской ритуал.

– Куда Вы? – уже второй раз судья перешла обратно на «Вы».

«Наверняка...», – подумал, Кирилл, – «Поездка срывается, вот и решила: отмена шалостям».

– Посмотрю, что там случилось.

– Аккумулятор у тебя сел.

«Так..., обратно на «Ты», что-то задумала, bestия».

Она сама потянулась к дверному рычажку:

– Поедем на моей машине...

Кресла в «Гранд Чероки» по-американски широкие и удобные. Зеленоватая кожа приятно обнимает задницу. Мощный мотор с лёгкостью разгоняет джип по проспекту от светофора до светофора. В салоне тихо. Машина катится мягко на широких шинах, бескомпромиссно, словно поезд. Водитель судья Петькина в затемнённых очках с широкими дужками, не напрягаясь, держит руль пальчиками, демонстрируя маникюр, и поглядывает в зеркала, почти не шевелясь. До того всё удобно под неё подогнано в этом авто. Коробка-автомат не требует никого к себе внимания. Работает климат-контроль, в салоне подходящая прохлада. Пах-

нет приятно, не то, что в прокуренном «Алеко» – дерьмом. На магнитоле включено радио, негромко, слышится «Белый снег» Аллы Пугачёвой, спрятанные в обшивке салона динамики, глубоко и качественно передают звук...

– Хороший автомобиль... Какого года?

– Девяносто пятого.

– Свежий... Сейчас желательно перестроиться в правый ряд, там ремонт теплотрассы, налево не повернуть, по Кутузова придётся обходить, через кольцо.

– Ладно, как скажете.

Индикатор правого указателя поворота на панели затикал. Впереди, чадя адским выхлопом, оттормаживался гружёный песком «Камаз». Однако в салоне джипа запаха гари не чувствовалось совсем.

Ехали, казалось, долго. Скорость она не превышала.

– Я вопрос хочу задать? Можно?

– Конечно.

– Что такой человек как Вы, неплохой, в общем-то, юрист, делает в какой-то там «бане»?

«Опять перешла на «Вы», осторожничает».

– Я не такой уж и хороший... В смысле специалист.

– Да, ладно. Скромность, конечно, украшает, но есть и пределы. Я серьёзно.

– В самом деле, Татьяна Абрамовна. Иногда мне кажется, что я вообще ни в чем не разбираюсь.

– Ну, это у всех бывает. Порой страх накатывает, неуве-

ренность в себе. Временами.

– Может поэтому я в женском крыле.

– Что?

– В женской бане. У нас два крыла, то есть отделения.

Женское и мужское.

– И в мужском свой юрист?

– Была, Ольга. Сейчас там свободная вакансия.

– Интересно. И всё же, почему не ищешь нормальную работу? В ту же прокуратуру, адвокаты бы подался, да мало ли, можно и в приставы, или частной практикой заняться.

– Мне нравится моя...

«Зачем я вру? Может правду сказать? Мол, ну да, «бана» – дерьмо полное... Сам в поисках работы, периодически...»

Он сделал вид, что тема наскучила, и поглядел на огромный расположенный под мостом продуктовый рынок.

– И зарплата наверняка маленькая? – не отпускала Петькина.

– Да, к сожалению, не большая. Но, пока я не вижу себя в другом месте.

– Вам не хватает самооценки.

– Не первый раз это слышу.

– Значит это правда, – она глянула на него очками-хамелеонами.

– Каждый приспособливается по-своему, – он опять отвернулся, рассматривая опережавший их автомобиль.

– Неужели тебе не хочется такой машины, не знаю, красивой, шикарной женщины, квартиры в хорошем районе? Не интересно?

«Это она себя имеет в виду?!»

– Что ж, факт отсутствия у меня автомобиля привёл Вас к мысли, что и женщины у меня нет и квартиры? Хорошего Вы обо мне мнения...

– Я ничего такого не думала. Напротив, у человека вроде тебя, всё должно быть. Но впечатление складывается противоречивое.

– Вы видите только оболочку...

– Я ещё и с людьми общаюсь. Мне многое про тебя известно.

– Что ж, ладно, допустим. И что я со всем этим буду делать?

– Как что? Жить. Пользоваться, наслаждаться.

– Наслаждение – это иллюзия. Рефлекс в мозге. Учёными доказано.

– Понятно. Учёными... Лучше ничего не делать? Ходить пешком и жаловаться на то, что всё складывается неудачно.

– Разве я жаловался?

– Нет, но...

– Что?

– По тебе видно, что ты не особо доволен.

– Может, я сам по себе такой... С чего мне казаться довольным? Даже если у человека будет всё, что Вы перечис-

лили, не факт, что это его осчастливит.

– Но ведь жизнь станет легче, Кирилл, удобней. Интересней. Ты взрослый человек, а несёшь бл..дь чепуху. Извини.

Калугин сделал отрешённый вид, словно опять не заметил общения «по-свойски», точнее его элемента. Улыбнулся, пощурился от солнца, глядя куда-то:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.